

нагод. оглядаць нашаго невабутаго шеф-редактора на Поляквѣ и на згоду съ верховодячою у нихъ шляхотскою коте́рію; другій замѣтъ свѣдѣть безперечно о невысказанной мудрости стану и быстрокости его автора. — Нынѣшня „Реформа“ розжалобила насъ Русинами; повтаряе впрочѣмъ такъ же доказану неправду, що центр. (польскій) комитетъ нѣякъ не мѣгъ думати о пороу-мѣню съ Русинами. Не знаемо навѣтъ, якъ назвати се вѣчне повторюванье неправды, коли предѣл мѣгъ — если лишь хотѣвъ — доводно переконатись о интенціяхъ центрально-комитетовой коте́ріи вже въ самыхъ слѣвѣхъ Piotra Grossa, котрїи мы свого часу подали до прилюдной вѣдомости, а котрїи — подносили се въ напискомъ — анѣ не були запереченї, анѣ змодификованї; значить, що центр. польскій комитетъ дѣйстно ухваливъ: „w zasadzie żadnego Rusina“. Въ прочихъ солодкихъ словахъ нынѣшней статьи „Реформа“ не можемо бачити щось бѣльше, якъ лишь выкрутъ, е-сли пригадаемъ собѣ недавнїи ви накликуванї до „obywatelskiej“ солидарности противъ Русинѣвъ.

ДОПИСЬ.

Зъ Гуцульщины.

(До вѣдомости ц. к. державнои Прокуратуры.) Свѣтле ц. к. Старосту въ Косовѣ уѣдомило писемно начальника громады Шешоры, що въ Шешорахъ отбудутся 16 мая 1883 о 3 год. по полудни въ канцеляріи громадскїи выборы, и приказало ему, чтобы вѣхъ до голосованя управленыхъ завѣдывавъ явитися въ означеннѣ дни и часѣ въ канцеляріи громадскїи до голосованя, и чтобы въ той канцеляріи громадскїи списы управленыхъ до голосованя отпорученому ц. к. урядникови вручить. Начальникъ громадскїи оповѣститъ все то громадѣ и завѣдывавъ на назначеннѣ часѣ до голосованя. Уже около 10 год. рано почалися люде збирати по улицахъ, а понеже громадека канцелярія маленька и коло ней нема подвѣра, гдѣбы можна посѣдати: то люде збиралися при забудованю школьнѣмъ въ городѣ, посѣдали на муравѣ и ждали, чтобы, якъ отпорученнѣ ц. к. урядникъ прибуде, чи то въ порожней школь, чи въ канцеляріи громадскїи голосувати; доси у насъ всегда всякїи выборы перепроваджалися лише въ забудованю школьнѣмъ. Але вже два дни передъ выборами полетѣвъ до ц. к. староста жидъ шешорскїи Лейзоръ Файгеръ и тамъ такъ обрадился, чтобы выборы шешорскїи не отбувалися въ канцеляріи громадскїи середъ села, але въ хатѣ коваля Николая Урбаньского, котра стоить о 2 километры отъ канцеляріи громадскїи, майже на границіи Пѣтыня. Вертаючи въ Косова до Шешоръ Лейзоръ Файгеръ подыбувъ Кирила Гушмана, господара шешорского и повѣдавъ до него, що уряджено, чтобы выборы отбулися у Николая Урбаньского и чтобы се не „трѣнѣчка“, бо рускїи кандидаты не перейде. Причина-жъ сего перевесеня мѣсця лежала въ томъ, чтобы при горячѣй весеннѣй работѣ шешорскїи господарѣ мали дальшу и утяжлившу дорогу, такъ якъ въ томъ случаю треба було майже 1 1/2 милѣ до мѣсця правыборѣвъ зроби, что для старыхъ не было возможно; а тов семеро жидѣвъ и завѣдатель дѣбрь камеральныхъ п. Петро Гиршъ мали дуже близенько а доданыи и побережника камерального Василя Федорійчука, мали запевненыхъ 10 голо-совѣ, котрїи мали увасти на ц. к. завѣдателя

Петра Гирша и гдѣякіи другїи особы. Такъ бодай оповѣвъ Лейзоръ Файгеръ, а вскорѣи ровѣйшлось се дальше въ село — по цѣлої громадѣ, що „жидѣ перекрутивъ на некористъ громады мѣсцѣ правыборѣвъ“. Зобранїи люде, съ начальникомъ громадскимъ Федоромъ Ткачукомъ и писаремъ громадскимъ, ждали до 1/2 год. коло школы, другїи въ помешканю школьнѣмъ. Около 2 год. прибувъ такожъ п. Петро Гиршъ, завѣдатель дѣбрь камеральныхъ до школы. — прїшовъ и мѣсцевый священникъ. Сонце грѣло дуже жарко. Наравъ приходитъ посланецъ Павло Юрійчукъ и повѣдавъ, що жандармъ его приславъ, чтобы вѣи шли на правыборѣ до Н. Урбаньского. Люде и началь-никъ громады отповѣли на се, що они мають отъ п. старосты наказы ждати на комисаря въ канцеляріи громадскїи, а не у Н. Урбаньского. Около 1/2 являеся самъ жандармъ и зываетъ начальника громады Федора Ткачука и писаря громадского Хау-ра и людеи, чтобы ишли на правыборѣ до Николая Урбаньского. Началь-никъ и люде отповѣли такожъ жандармови, що они мають дожидати комисаря въ канцеля-ріи громадскїи. О 3 год. вертае жандармъ и каже до начальника громадского и писаря, що п. комисаръ Винярескїи приказавъ имъ ити заравъ до Николая Урбаньского до правыборѣвъ, бо иначе буде начальника арештовати. Тогда подылися вѣи люде и вразъ съ начальникомъ громадскимъ поїшли таки до канцеляріи громадскїи, сказавши жандармови еще разъ, що на п. комисаря мають въ канцеля-ріи дожидати. Тымъ часомъ написавъ п. завѣдатель кам. дѣбрь Петро Гиршъ картку до п. комисаря съ записками, чтобы прибувъ до зобранныхъ людеи, а самъ звать мѣсцевыи священника съ собою и поїшли на комисаря Винярекому на ветрѣчу. Коло канцеляріи гро-мадекои здибують его страшноо ревляреного. Станувши тамъ приказавъ ити вѣимъ до го-лосованя управленыхъ до Николая Урбаньско-го, бо иначе каждого черезъ жандарма ареш-товати буде. Звать съ собою на вѣи пана Петра Гирша и мѣсцевого священника и отѣ-хавъ. Прибувши тамъ запытавъ вернувшего жандарма, где начальникъ громадскїи? Жан-дармъ сказавъ, що начальникъ и люде ждуть въ канцеляріи и не хотять ити. Тогда прика-завъ п. комисаръ жандармови начальника гро-мадекои арештовати и оковати... Жандармъ отѣйшовъ. П. Гиршъ запытавъ п. Винярекого, чи не можнабы предѣл той розказъ змѣниты? П. комисаръ схаменуеся и кликувъ, чтобы начальника не ковать, але ино арештовавъ. Тогда мѣсцевый священникъ попросивъ п. ко-мисаря, чтобы начальника громады не арешто-вати, а днѣ хоче ужити своего влїяня на мирну ровняку цѣлои справы и ажъ на се предста-вельне прикимавъ п. В. жандарма навадъ до себе. Потѣмъ удаеся священникъ Фѣрою до лю-дей, и спонукавъ ихъ, що безъ дальшого опоры сповняли комисарску волю. Коли-жъ теперъ панъ комисаръ побачивъ начальника, розпу-стивъ до него: для чого-те не прїйшли сюда до голосованя? Ф. Ткачукъ отповѣвъ супокѣй-но: бо я маю отъ п. старосты на письмѣ на-казы, що правыборѣ мають отбути въ кан-целяріи громадскїи. На тов п. комисаръ: вы-мавте тамъ (!?) ити голосовати, где я кажу. За тов будете сидѣти въ арештѣ 14 дней безъ рекуреу (!) Огѣнувъ начальника Ткачука отъ комисїи, поклавши на его мѣсцѣ заступника Андрѣя Олексюка, перепровадивъ правыборѣ третѣ черезъ десате, и казавъ жандармови от-ставити арештованого начальника громадского Федора Ткачука впротѣ до Косова, где тойже въ арештѣ переночувавъ и черезъ самого стар-осту Сабата, котрому еще 16 мая вечеромъ п. комисаръ о арештованю и замкненю началь-ника давъ знати. 17 мая рано увдѣльнен-ный адѣставъ. Панъ комисаръ Винярескїи нававъ Федора Ткачука инымъ. Но то зо-вѣмъ не правда; отъ 10 год. рано бувъ Т. въ школѣ до 3 год. по полудни; до школы самъ прїшовъ розговаривавъ съ господарями на школьнѣмъ подвѣро, чого выннѣ не потра-фитъ, и ажъ около 4-ои год. здишовъ съ п. на-номъ комисаремъ. Отъ 10 год. рано до 4 год. по полудню, хотѣбы бувъ и выпивъ що, мавъ досѣтъ часу вытверевитися. Съ п. комисаремъ лишь только говоривъ, що подавъ причину, чому въ канцеляріи громадскїи съ людьми ждавъ, а по арештованю подѣловавъ навѣтъ пана комисаря 3 разы въ руку, просячи о помилованье, а коли то не помогло, про-сивъ, чтобы ему вольно было завтра са-мому до арешту ставитися. Але дармо. — Мы описали рѣчь объективно, нѣчо не дода-ючи, анѣ не пересаджующи. Такъ начальникъ громадскїи Федоръ Ткачукъ якъ и управленїи до голосованя опирались на цѣсарекѣмъ правѣ, такъ якъ въ мыслѣ закона, выборы мають отбути въ томъ, где наказало ц. к. старосту. Чи змѣна мѣсця правыборѣвъ наступила, о томъ старосту нѣкого писемно не увѣдо-мило, а котрїи нибудъ п. комисаръ не має права змѣняти самовольно наказы ц. к. выс-шей власти. Впрочѣмъ треба мати для певно-сти щось на письмѣ. — чи той, кто зарядивъ змѣну мѣсця правыборѣвъ, до той змѣны у-правленнѣй. А того панъ комисаръ Винярескїи не учинивъ. А однако бравъ карати арешто-ваньемъ и казавъ сейчасъ отставляти до Ко-сова чоловіка поважного, заможного, котрого цѣле село шануе, котрого жѣнка смертельно хора, — и то за се, що сей чоловікъ слухавъ по-просту розказу пана старосты! А дѣячого всѣ тѣ гнѣвы и фохи? Бо голосуючы не вы-

брали п. Петра Гирша и другихъ, котрїи мали дати голоса на JWiel. вице-президента Зале-ского. Люде повѣдаютъ: мы пана Залеского не-знаемъ и его за посла маги не хочемо! Та ба, панъ комисаръ каже, що вже теперъ есть 80 голо-совѣ „певныхъ“, що отже JW. кандидатъ такой посломъ буде! Найжежъ собѣ послуе... Але по щожъ арештовати безъ причины лю-дей? Чижъ комисарѣ съ жандармами на тов до выборовъ ѣдутъ, чтобы честныхъ людеи чѣвнати?... О що сей п. комисаръ, то бнѣ дуже отважный и грѣбный. На другїи день, ѣдучи на правыборѣ до Прокуравы, подыбуе на дорожѣ Михайла Соколюка, господаря не-важного, радного громадского, властителя мы-на въ Шешорахъ и кричитъ (по дорожѣ!) на десятника Тараса Шкромюка: zaprowadź tego do aresztu do Kosowa! Бере десятникъ Михай-ла Соколюка и веде до Косова до арешту и ажъ передъ Косовомъ подыбують вертаючыи въ арешту Федора Ткачука; почалися радити, что робити, чи ити до арешту, чи вѣ. Урадили такъ, що Михайло Соколюкъ вернувъ до себе и жде, що въ того дальше буде. Ўдучи даль-ше, подыбувъ панъ комисаръ Винярескїи Ки-рила Гушмана, чоловіка честного, бывшого тымчасовымъ учителемъ, господаря радного. Гушманъ здымивъ шапку для ознаки уважен-ня. Панъ комисаръ зчиняе на дорожѣ на него кричати (въ присутности пана Кирхембергера и одного господара), що бнѣ „бунтовавъ“ на-чальника. Тогда Гушманъ насадивъ на голову шапку, а панъ комисаръ: zdyjcie czapkę przed panem komisarzem! (A to na podstawie jakiego § ц. п. комисарю?...). Бѣдолаха мужикъ наля-кавъ, зновъ обаживъ голову и стоить по-кѣрно, а панъ комисаръ свое рѣже, — dla (ко-мисарскои) parady, чтобы выкричатися. Такъ то уживавъ панъ комисаръ Винярескїи свои власти въ конституційнѣй Австрїи! Але чейже у насъ знайдутся и на комисарѣ комисарѣ... Чей же JW. п. вице-президентъ Зале-скїи собѣ не бадавъ, чтобы его штукаи та муками арештаньскими на крѣсло посольске пересадити. Кто може знати, чого паньскїи „гоноръ“ вымагае!.. Просимо ц. к. властей, спрану розсѣдити, винныхъ укарати, а всякихъ прискорыхъ пп. комисарѣвъ — при-емирити.

Зъ судовои салѣ.

Важныхъ хвиль прїшлося дожити галицкѣй сусильности польскѣй. Саме въ пору найгоря-чѣйшого выступленя ея верховодителѣвъ противъ правъ руского народа, въ пору безмятнѣно агитаци и надъжужить противъ „anty-pańodowych“ кандидатѣвъ, въ хвилью, коли справедливый змаг-ня братного народа стараются затмѣити блескомъ „plejady świetnych nazwisk“, въ ту саму хвилью открываються глубокии раны на тѣлѣ тожь самои сусильности, що гордятся своею вышестею, своею культурою, накидуюсь непрошенымъ оу-куномъ рускому народову. Нашимъ читателямъ доволѣ звѣстною буде сумна исторїя „Schweigeld-ów“, кидаяча ярке свѣтло на поступованье деякихъ представителей верховодячи „opinii publicznej“. До сей исторїи прибуея теперъ еще друга не меньше сумна и понижайоча, такъ якъ остае она въ звязи съ патриотичнымъ рухомъ польскимъ, съ повстаньемъ зъ р. 1863. Яскравую иллюстрацію сего патриотичного руху есть справа, котра була предметомъ судовои розправы на дняхъ 23, 25 и 26 с. м. въ сали красного суда карного передъ трибуналомъ апелляційнымъ, зложенымъ зъ сов. Левицкого яко председателя, сов. Бушака, Голянского и адюнк. Литвинюча яко вота-товъ, и протоколинта п. Олесницкого. Предме-томъ розправы бувъ откликъ проф. львовскои политехники Бгермана противъ засуду суду по вѣтвого у Львовѣ, силою котрого бнѣ зоставъ засудженый за проступокъ образы чести мѣщани на львовского и бывшого кравца Петра Вайды (§§. 487 и 491 з. к.) на кару 10 днѣвъ арешту, церемѣнеу разомъ на кару грошеву 100 зр. П. Вайда обжалувавъ проф. Бгермана за тов, що тойже на мѣсцяхъ публичныхъ, с. е. въ рестау-раціи и на засѣданю рады мѣскои выразивъ прилюдно, що Вайда, будучи подчасъ повстаня р. 1863 доставлемъ мундурѣвъ для повстанцѣвъ, и беручи яко членъ организаціи повстаня участь въ тогдышнѣмъ руху, спроневеривъ грошѣ, зло-жей на цѣли повстаня и всякими нечестными способами добывае великого маетку. Позаякъ однакъ проф. Бгерманъ при розправѣ въ першѣи инстанціи не поставивъ позитивныхъ доказѣвъ на певнїи означенїи факты згадаоной дефравдаціи, а оперяя только на голосѣ публичной опинїи, помо-вляючы Вайду отъ многихъ дѣтъ о подобнѣй факты, а такожъ на отъзвахъ публичной праомы, котра еще передъ роками подобнѣ замѣты противъ Вайды подносила, тожь судїя першои ин-станціи узнавъ доказы обжалованого недостаточ-ными и засудивъ его на повышшу кару. Проф. Бгерманъ подыбавъ вести передъ трибуналомъ апелляційнымъ доказъ правды, и въ той цѣли пер-слухано надъ 30 свѣдѣтовъ, зъ которыхъ гдѣякіи були членами „Rządu pańodowego“, а гдѣякіи зб-анавали подѣ присягою тов, що чули отъ людеи, бравшихъ безпосередню участь въ справахъ по-встаня зъ р. 1863. Збнаня вѣхъ тыхъ свѣдѣтовъ представляють одну дуже интересну цѣлооть, вы-казують они, що патриотичный рухъ Полякѣвъ въ р. 1863 давъ дѣйстно способность гдѣякимъ людемъ збогатитися, що грѣбъ громадженнѣй по-средствомъ складокъ на „cele pańodowe“ ильвъ не рѣдко въ приватнѣи кишнѣи людеи, займаю-чихся справою повстаня. И такъ збзнавъ одинъ

свѣдокъ подѣ присягою, що помершїи вже мѣ-йоръ Мелье мѣтъ, буншїи комендантъ у Львовѣ зъ р. 1863, говоривъ часто вже по повстаню, що многои патриотичный доставцѣ, котрїи мали доста-вляти мундурѣ, оружїе и др. для повстанцѣвъ, розумѣея за доброю заплаатою отъ „Rządu pańodowego“, денунціювали передъ властями самѣ свои доставы, а коли органы властей перелюбли и отворили шаки, знаишли тамъ замѣтъ мундурѣвъ смѣтые або камѣные. Хочь майоръ Мельеъ бувъ чужинцемъ и мусѣвъ зѣ уряду выступати противъ повстаня, однакъ обурюванюся отъ такъ нечестне поступованье и выразивъ частю, що въ р. 1863 бѣльше було „патриотиковъ“, якъ „патриотѣвъ“, другїи жертвовали вправѣ и грошѣ, першїи за тов брали грошѣ и дошли такии способомъ до великихъ маетковъ. Проф. Бгерманъ подѣбѣтъ колька такихъ фактовъ дотычно об-бѣ Вайды, котрого маетокъ дѣйстно по повстаню дуже збѣльшился, такъ що нынѣ есть бнѣ вла-стителямъ колькакъ камяницѣи и однимъ зъ па-богатѣшихъ горожанѣвъ Львова. Переведене до-казу правды послѣ вымогѣ закона карного на факты, котрїи мали мѣсцѣ передъ 20 роками, бу-ло дуже тяжкимъ, позаякъ очевидцѣ, котрїи ма-глибы были посвѣдчити, по бѣольшѣи части вже вымерли, а въ памяти еще живучихъ могли за-тертиса дробницѣ фактовъ, такъ важнїи въ посту-пованю доказовомъ.

Помимо того збзнаня свѣдѣтовъ була для Вайды не дуже кориснѣй. Свѣдокъ Фляшъ, врав-ецъ львовскїи, бравшїи живу участь въ спра-вахъ повстаня, збзнавъ подѣ присягою, що въ р. 1863 въ мѣсцѣи сернико або вересню прїйшовъ бувъ до него членъ „Rządu pańodowego“ теперъ вже не живучїи Станиславъ Подлевскїи и замовѣлъ у него 60 мундурѣвъ для повстанцѣвъ, говоривъ при томъ, що заравъ мае прислати тутъ Вайду замовленыхъ у него 40 мундурѣвъ, котрїи Фляшъ разомъ съ своими 60-ма отшле до одного бѣ-дѣлу на провинціи. Дѣйстно въ подѣ годныи може оубола принесено до Фляша 4 пачки, въ котрыхъ мало бутѣ по 10 мундурѣвъ; пачки тѣ выдалиса однакъ дочѣи Фляша, котра займалася шакованьемъ, надто малыи и легкими; въ пре-сутности Подлевского отворено отже прислатїи пачки и пересвѣдченося, що було тамъ только въ 6 мундурѣвъ и то лихо зробленыхъ. Збзнанье тов подтвердило подѣ присягою свѣдкѣи Фр. Фляшъ и Ваида Фляшъ яко очевидцѣ, а кромѣ того многои иншїи свѣдкѣи, котрїи знали о томъ зъ послуху. Що поступованье того рода не було рѣдкимъ случаемъ въ р. 1863, свѣдѣть збзнанье свѣдѣ-Холевы, котрїи бувъ повстанцемъ въ отдѣлѣ епо-ника Коморовского. „Довгїи часъ“, говоривъ свѣ-докъ, „ждали мы на провинціи мундурѣвъ, котрїи мали прїйти зъ Львова, въ концїи одержали ихъ пожадану посылку въ форїи великой пачки, въ отвореню котрой знаишли мы грохи окривлен-сукна, богато смѣты и другой драки“. — А вы-сылки подобнѣи були все зъ горы плаченїи и то добре плаченїи „groszem pańodowym“, якъ свѣдѣ-чїи збзнае св. Дворского. Кромѣ сего однои факту, закинено и. Вайдѣ многои иншїи рѣвно „норевѣи“ поступки. Однимъ зъ наибѣльше обжа-вующихъ збзнанъ, було свѣдоцтво Б. Мразка, сими помершого тыми днями некаря Луки Мразка, ко-ного зѣ найбѣльшїихъ организацѣторѣвъ зъ 1863 р. Б. Мразекъ чувъ отъ помершїи передъ кольками роками сестры Гешенфовой и отъ своего батька, въ перебуванючїи короткїи часѣ во Львовѣ въ р. 1863, якѣбы незнакомый эмигрантъ повстанецъ, зложивъ за порадю Гешенфовой въ депозитъ Вайды отъ 60—80.000 зр., що сама Гешенфова знала въ вѣ той цѣли до дому Вайды, и що оубола э-мигрантъ опустивши Львовѣ, пронавъ бездѣлю и якъ говорила оубола свѣдкови его сестры, от-ставъ за границею зловленнѣи и повѣшеннѣи. Грошѣ его мали остатиса при Вайдѣ, въ наслѣдокъ зом-мавъ такъ значно збѣльшилось его маетокъ. Такъ сего якъ и богато другихъ дробнѣхъ вправѣ фактовъ, однакъ кидаячыхъ на п. Вайду дру-зати очевидцами, а хочъ заприсяженнѣи свѣдѣ-стверджували ихъ майже одноголосно въ шешор-рихѣ Вайды, то свѣдоцтва ихъ относились перво-важно до того, що чули, а не до того, що бачили. Вайда покляклася на ореченье двухъ судѣвъ го-норовыхъ, узнаючихъ его невинымъ и чистымъ, а надто зложивъ до актѣвъ свои приватнѣи раху-ки веденїи отъ р. 1858, котрїи мали послужити доказомъ, що бнѣ прїйшовъ до маетку дорож-честною. Збъ взгляду однакъ, що бувъ се прѣсто-апелляційный, при котрѣмъ обовязокъ доказу те-житъ на обжалованѣмъ, а не на обвинителѣ, не отчитано при розправѣ тыхъ рахункѣвъ. По ре-веденю поступованя доказового и по допытѣи бѣсѣдахъ заступника Вайды, адв. дра Горещко-го и оборонца обжалованого дра Готляба, оголошено председателѣ трибуналу засудъ, затверджувѣи засудъ першои инстанціи и засуджующїи ма-етку проф. Бгермана на заплаату коштовѣ поступованя апелляційного. Трибуналъ оперъ свой засудъ въ той подѣставѣ, що обжалованнѣи не поставивъ позитивного доказу на конкретнѣи факты зробленнѣи Вайдѣ закидовѣ, якого вымагае въ такѣмъ слу-чаю нашъ законъ карный.

Sedis Romanae, circa ritum graeco-catholicum Ruthenorum data, imo ne Roma Ruthenis defendat, atrocissima crimina Ruthenis appinixerunt, quasi videlicet essent rebelles, proditores patriae et Sedis Apostolicae.“

Такъ оно дѣялося завсегда; чернено Русинѣвъ, чтобы ихъ никто не бравъ въ оборону, чтобы ихъ лекше винародовляти. Такъ оно дѣвса и нынѣ.

По той причинѣ писавъ вже Юсифъ Велляминъ Рудкїи до св. Отца межя иншими: „De omnibus his miseriis siluimus huc usque, sed praecipuis amisis per transitum ad latinos, expoliati omnibus ornamentis, coerpimus advertere omni humano auxilio destituti, radices malorum pullulare et incrementum in dies accipere, unde velut e somno expergefacti, sentimus unde excidimus, et praeteritum statum, cum praesenti conditione comparando, recordatione ipsa affligimur.“

Такїи то добра принесла Русинамъ унія, а того всего причиною звауты и ихъ ученики. Тов пониженье греческого обряда и народности рускои, темноту и убожество свое Русины мають передовѣмъ и приписати зваутамъ. Зваутѣвъ уважавъ Русь своими наибѣльшими ворогами.

(Дальше буде.)

